В февральском номере журнала мы рассказали о Е. В. Лермонтовой — одной из выпускниц Женского педагогического института. Статья вызвала интерес у читателей, и мы решили систематически публиковать биографические очерки о судьбах тех, кто вышел в большую жизнь из стен нашего вуза.

Женский педагогический институт, работавший в Петербурге—Петрограде в 1903–1918 гг., успел сделать 12 выпусков специалистов — преподавательниц для народных школ и домашних наставниц. Выпускницы проявили себя в самых разных сферах деятельности — большинство, конечно, работало в системе народного образования, но многие занимались научно-исследовательской работой, работали в музеях, библиотеках, архивах, на биологических станциях, в геологических партиях…

Е. Н. Груздева,
дизайнер издательства

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА НАРКЕВИЧ

К 115-летию со дня рождения

Софья Николаевна Наркевич трижды начинала жизнь «с нуля».

Первый раз — 7 мая 1894 г., когда родилась в Санкт-Петербурге в семье дворянина Николая Семеновича Наркевича. Отец занимал хорошую должность в Министерстве путей сообщения (помощник управляющего отделом по отчуждению имуществ) и выслужил чин действительного статского советника. Воспитанием единственной дочери занималась мать Софья Владимировна.

После хорошей домашней подготовки Сонечка Наркевич получила среднее образование в женской гимназии имп. Марии Александровны, которую окончила с правом на золотую медаль. Дополнительный VIII класс (педагогический) давал право на занятия с детьми в качестве домашней наставницы. Однако для способной девушки этого было недостаточно, и в 1912 г. Софья Николаевна подала заявление в Женский педагогический институт, в котором просила зачислить ее на словесно-историческое отделение по разряду исторических наук[1]. Родители поддерживали желание дочери учиться и даже поменяли квартиру, переехав на улицу по соседству с Педагогическим институтом.

Студенткой С. Н. Наркевич слушала лекции многих известных столичных профессоров: историков С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, А. А. Васильева, А. Г. Вульфиуса, М. А. Полиевктова, филологов С. А. Адрианова, Н. К. Кульмана, Н. К. Пиксанова, Н. М. Каринского, М. Р. Фасмера, философа А. И. Введенского, педагога П. Ф. Каптерева и многих других.

Годы учебы в институте пришлись на непростой период истории России: летом 1914 г. началась Первая мировая война, в 1917 г. Петроград стал ареной двух революций, в 1918 г. началось активное строительство нового советского государства и реформированию подверглись все старые учреждения.

В 1914 г. в Женском педагогическом институте в помощь фронту был открыт лазарет для низших чинов, который обслуживался силами слушательниц и сотрудников института. Софья Наркевич вместе с сокурсницами окончила краткосрочные курсы медсестер военного времени и обеспечивала уход за ранеными[2]. Дежурства в лазарете совмещались с посещением занятий в институте, написанием рефератов, подготовкой к пробным урокам в гимназии. Когда Женский педагогический институт выбирал представителя в Общероссийскую организацию по оказанию помощи жертвам войны, прошла кандидатура С. Н. Наркевич. Девушка участвовала в организации приюта для беженцев и других акциях организации[3].

После революции положение семьи Наркевич изменилось: Николай Семенович перешел в разряд рядовых служащих, как одного «из бывших» его подвергли экспроприации — отобрали летний дом в Гатчине и бóльшую часть квартиры.

В 1918 г. Софья Николаевна, успешно пройдя педагогическую практику, окончила институт, получила диплом[4] и звание учительницы истории с правом преподавания во всех классах средних учебных заведений. Сразу удалось получить работу в двух местах: днем вести занятия в Мариинской школе для девочек, а вечером — в I школе рабочей молодежи на Петроградской стороне. В то же время девушка начала брать уроки вокала у преподавателя консерватории Н. К. Ирецкой-Акцери[5]. Будучи одним из наиболее значительных авторитетов в области вокального искусства, Наталья Константиновна Ирецкая-Акцери занималась с Софьей Наркевич четыре года, отмечала у нее незаурядные певческие способности и советовала серьезно задуматься о карьере певицы. Осенью 1923 г. профессор Н. К. Ирецкая-Акцери уехала в длительный отпуск заграницу и несколько месяцев жила в Париже. Скорее всего, именно она помогла своей ученице перебраться в 1924 г. во Францию и устроиться в столице.

Родители С. Н. Наркевич, желавшие дочери счастья, не возражали против ее отъезда. В 1924 г., прощаясь на вокзале, они не знали, что видят дочь в последний раз. Потом были письма. И на протяжении нескольких лет каждую неделю навстречу друг другу летели открытки с видами Парижа и Ленинграда, в которых хотя бы двумя словами любящие люди сообщали друг другу о том, что живы, что у них все хорошо…[6]

Во Франции Софья Наркевич начала новую, вторую, жизнь. Войдя в Париже в круг русских эмигрантов, познакомилась с Борисом Осиповичем Бобарыка. Дома, на Украине, он не успел сдать лишь два последних экзамена, чтобы получить диплом юриста[7], а в Париже работал токарем (не из-за отсутствия диплома — эмигранту было проще устроиться на завод). Вскоре Софья и Борис поженились, а в 1925 г. родилась дочь Марина. Заработка Бориса Осиповича хватало на то, чтобы снять квартиру и нанять русскую няню для ребенка. Софья Николаевна готовилась к выходу на сцену.

В 1926 г. Софья Бобарыка начала выступать как певица. Участвовала в концертах, готовила программы для Радио-Пари. Классический репертуар и великолепные вокальные данные помогли ей войти в состав знаменитого коллектива — Русской оперы в Париже. Устроители спектаклей старались продемонстрировать европейским поклонникам русское музыкально-сценическое искусство с самой лучшей стороны, привлекали известных мастеров сцены. С труппой работали режиссеры Н. Н. Евреинов и А. А. Санин, танцы ставил М. М. Фокин, оркестром дирижировал Э. А. Купер, оформлением спектаклей занимались художники И. Я. Билибин, К. А. Коровин. Общее руководство постановкой нередко брал на себя сам Ф. И. Шаляпин. Русская опера в Париже выступала с аншлагом: во время ее спектаклей театр на Елисейских Полях, рассчитанный на две тысячи мест, всегда был переполнен. Афиши 1930-х гг. сохранили имена исполнителей ведущих партий, среди которых и «мадам Софи» — артистка Русской оперы Софья Николаевна Бобарыка. Она пела партии няни в «Евгении Онегине» Чайковского, Лауры в «Каменном госте» Даргомыжского, Хиври в «Сорочинской ярмарке» и царевича Федора в «Борисе Годунове» Мусоргского… Участвовала и в спектаклях с Ф. И. Шаляпиным — в операх Римского-Корсакова и Бородина — «Сказка о царе Салтане» и «Князь Игорь»[8].

В 1931–1932 гг. русская оперная труппа успешно гастролировала по Испании и Америке, а подлинным ее триумфом стало первое место в международном конкурсе оперного искусства летом 1933 г. в Лондоне.

С 1938 г. Софья Николаевна выступала и с сольными концертами. Певица отобрала в программу произведения двадцати известных классических русских композиторов[9]. Концертная деятельность была прервана с началом Второй мировой войны.

Франция капитулировала 22 июня 1940 г. Когда по радио было объявлено, что Париж — открытый город и немецкие войска войдут в него без боя, С. Н. Бобарыка собралась и ночью вместе с дочерью примкнула к потоку беженцев, двигавшихся на юг. Но немецкое командование перекрыло дороги и всем пришлось вернуться в Париж[10]. В оккупированном городе предстояло прожить всю войну. Софье Николаевне с трудом удавалось прокормить себя и дочь (мужа немцы увезли на работу в Германию). Приходилось распродавать вещи. Работать на новых хозяев она не хотела, а петь не могла. Иногда ей казалось, что она вообще потеряла голос.

Марина, которой уже исполнилось 17 лет, начала зарабатывать, раскрашивая мелкие безделушки и платочки для галантерейной фирмы. Художники-фотографы заметили необычную славянскую красоту девушки, и скоро ее портреты появились в витринах магазинчиков. После освобождения Франции осенью 1944 г. в Париж вернулся совершенно больной Борис Бобарыка — в феврале 1945 г. он умер от туберкулеза[11].

После окончания войны жизнь постепенно стала налаживаться. К Софье Николаевне вернулся голос и она начала репетировать. Зимой 1945/1946 гг. возобновила концерты, посвященные произведениям русских композиторов Чайковского и Гречанинова. Александр Тихонович Гречанинов, добрый знакомый еще с довоенных времен, в письмах из Америки давал ей советы как правильно исполнять его романсы и признавался, что тоскует по России[12].

Софья Николаевна тоже все чаще вспоминала о России, о Ленинграде, из которого уже давно не получала никаких известий от родителей. Когда в Париж прибыло советское посольство, С. Н. Бобарыка обратилась в консульство, чтобы получить разрешение вернуться на родину через 20 лет после отъезда. Последний концерт в Париже «мадам Софи» дала в мае 1946 г., исполнив романсы Мусоргского, Глинки и Лурье. Летом она собиралась домой, а осенью 1946 г. навсегда простилась с Францией. В Марселе русских репатриантов ждал пароход «Россия», который 2 ноября взял курс на Одессу.

В России С. Н. Бобарыка предстояло в третий раз начать все сначала, а ей было уже за пятьдесят[13]. Софья Николаевна была уверена, что на родине, среди своих соотечественников, будет легче. В Москве, куда мать и дочь прибыли, чтобы получить назначение, выяснилось, что им запрещено проживание в Ленинграде, Москве и других крупных городах. На выбор предложили несколько мест, в том числе Саратов и Астрахань. Люди сказали, что в Астрахани легче найти жилье и работу, и в конце декабря 1946 г. Софья Николаевна и Марина, наконец, прибыли в город, в котором им предстояло жить.

Устроиться в Астрахани оказалось непросто. Бывшая солистка Русской оперы рассчитывала на то, что и в России будет концертировать, работать в театре. Ее направили в Астраханскую филармонию, но показательное выступление перед комиссией оказалось неудачным — в дороге певица перенесла плеврит и еще не вполне выздоровела. Комиссия, отметив хорошую школу и культуру пения, дала заключение, что голоса у С. Н. Бобарыка нет. Ее перевели в Астраханскую областную Музкомедию, но не артисткой, а педагогом по вокалу[14]. Вскоре бывшие француженки смогли переехать из гостиницы, где остановились на первое время, в собственное жилье — пристройку к дому, которая на самом деле была загоном для скота. О коммунальных удобствах не было и речи. Марина, которая ждала ребенка, винила мать в том, что они уехали из Парижа, но Софья Николаевна стойко переживала все навалившиеся трудности. Она обустроила помещение, разделив его на две комнаты, между ними поставила печку, а в «гостиную» — взятое напрокат пианино «Беккер». Когда Марина родила дочку, детскую кроватку устроили в большой шляпной коробке, которая в новом качестве прослужила еще два года[15].

Когда Софья Николаевна получила разрешение вести переписку, она делала запросы в Ленинград, чтобы узнать о судьбе родителей, связь с которыми была прервана во время

войны, и получила ответ, что Н. С. и С. В. Наркевич умерли в Ленинграде во время блокады. Теперь вся ее семья состояла из дочери и внучки.

Весной 1948 г. театр Музкомедии был закрыт, и Софья Николаевна снова обратилась в Филармонию. Ее концерт в Облисполкоме прошел успешно — программа из романсов русских и советских композиторов была тепло принята публикой, но руководство Филармонии не было заинтересовано использовать певицу. С. Н. Бобарыка начала преподавать сольное пение в Астраханском музыкальном училище. Однако она не собиралась сдаваться и добилась прослушивания специальной комиссией при Управлении музыкальных учреждений Комитета по делам искусств Совмина СССР. Из Москвы Софья Николаевна привезла заключение комиссии, высоко оценившей ее исполнительское мастерство и рекомендовавшей «Астраханской филармонии организовать систематические выступления т. Бобарыка… в лекторийных, тематических и смешанных концертах»[16]. Несмотря на поддержку высокой московской комиссии, работать в Филармонии ей так и не пришлось.

С. Н. Бобарыка почти 20 лет проработала преподавателем вокала в музыкальном училище. Валентина Михайловна Большакова, учившаяся в 1950-е гг., утверждает, что ее занятия не ограничивались только уроками вокала: «Бобарыка прекрасно разбиралась в исполнительских стилях, все-таки она пела в Европе. У нее был высокий музыкальный вкус и высокая бытовая культура. И нас, своих учеников, она хотела видеть интеллигентными людьми. Поэтому учила нас не только пению, но и хорошим манерам»[17]. Софья Николаевна и внучке прививала любовь к музыке, а когда заметила, что у девочки есть музыкальные способности, начала учить ее на том самом беккеровском пианино, которое и до сих пор стоит у ее внучки — Елены Михайловны Земнуховой, — ставшей профессиональным музыкантом.

Внучка, разглядывая бабушкин альбом фотографий, спрашивала о Петербурге, о Париже, но бабушка уходила от этих разговоров. А однажды Софья Николаевна купила туристическую путевку на север, по которой несколько дней должна была провести в Ленинграде. Отделившись от группы, она бродила по городу своей юности и плакала…

С. Н. Наркевич-Бобарыка прожила долгую жизнь — 94 года, оставаясь добрым, отзывчивым человеком, радовавшимся успехам ее многочисленных учеников.

Примечания

1. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5674. Л. 109.
2. Архив Астраханского музыкального колледжа. Л/д. препод. С. Н. Бобарыка. Л. 27.
3. Там же. Л. 3.
4. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3629. Л. 1–2.
5. Архив Астраханского музыкального колледжа. Л/д. препод. С. Н. Бобарыка. Л. 27об.
6. Сообщено внучкой С. Н. Наркевич-Бобарыка Еленой Михайловной Земнуховой.
7. Архив Астраханского музыкального колледжа. Л/д. препод. С. Н. Бобарыка. Л. 29об.
8. *Власенко Л. П.* Контральто Русской оперы в Париже // Волга (Астрахань). 2003, 3 сентября.
9. Архив Астраханского музыкального колледжа. Л/д. препод. С. Н. Бобарыка. Л. 3.
10. Там же. Л. 27об.–28.
11. Там же. Л. 29.
12. *Власенко Л. П.* Контральто Русской оперы в Париже…
13. При оформлении советского паспорта С. Н. Бобарыка была допущена ошибка в дате рождения — вместо 1894 записан 1897 г. — Сообщено Е. М. Земнуховой.
14. Архив Астраханского музыкального колледжа. Л/д. препод. С. Н. Бобарыка. Л. 28об.
15. Из рассказа Е. М. Земнуховой.
16. Архив Астраханского музыкального колледжа. Л/д. препод. С. Н. Бобарыка. Л. 14.
17. *Власенко Л. П.* Контральто Русской оперы в Париже...